

07.00.07 Этнография, этнология и антропология

УДК 297.17

DOI 10.22311/2074-1529-2019-15-3-81-110

В. О. Бобровников

Институт востоковедения Российской академии наук, г. Москва;
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге, г. Санкт-Петербург

АБУ МУСЛИМ В КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ МУСУЛЬМАН ДАГЕСТАНА

БОБРОВНИКОВ Владимир Олегович —

канд. ист. наук, проф.

Центр изучения Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья,

Институт востоковедения РАН

(107031, Россия, г. Москва, ул. Рождественка, д. 12)

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге

(198099, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Промышленная, 17)

E-mail: vladimir_bobrovn@mail.ru

Аннотация: В статье разбирается, как культурная память долгой исламизации Кавказа с рубежа VII–VIII до начала XIX в. отразилась в культе местных мусульманских святых. Исследование основано на текстах хроник и памятных записей (*таварих*), сопоставленных с данными арабоязычной эпиграфики и полевыми материалами автора, собранными преимущественно в Дагестане. Оно посвящено шейху Абу Муслиму, традиционно считающемуся исламизатором не только Дагестана, но Восточного Кавказа в целом. Его имя фигурирует в бесчисленных хрониках и памятных записях. Шейху и его сподвижникам приписываются десятки святых мест. После работ классиков российского востоковедения от М. М. Казем-бека до В. В. Бартольда и М.-С. Саидова нельзя ни путать его со знаменитым одноименным религиозным лидером из Хорасана, помогшим Аббасидам захватить власть в Халифате в середине VIII в., ни отрицать историческое существование этой фигуры. Сравнительный анализ всего разнородного комплекса материалов позволяет ответить

на целый ряд спорных вопросов, связанных с исламизацией региона в VII–XIX вв., ее основных периодах, направлениях, особенностях и акторах. Нельзя относиться к этой фигуре слишком прямолинейно, отрицая ее историческое существование, как это делали Бакиханов, Алкадари, Али Каяев, Казем-бек, Бартольд и Саидов, призывавшие к ревизии местной летописной традиции, и некоторые классики российской ориенталистики. Сравнительный анализ посвященных его деяниям хроник, памятных записей и устных преданий позволяет предположить, что он представляет собой обобщенный образ героя-исламизатора, возникший благодаря слиянию воедино черт нескольких исламских миссионеров арабского, тюркского, иранского и местного происхождения, действовавших на Кавказе в Средние века и Новое время.

Ключевые слова: культурная память, исламизация, нарративы, Абу Муслим, Дагестан.

Для цитирования: Бобровников В. О. Абу Муслим в культурной памяти мусульман Дагестана // Ислам в современном мире, 2019; 3: 81–110;

DOI 10.22311/2074-1529-2019-15-3-81-110

Статья поступила в редакцию: 08.07.2019

Статья принята к публикации: 30.08.2019

Одним из наиболее почитаемых мусульманских святых (*аулийа'*) на Кавказе был и остается Абу Муслим. С его именем связывается обращение в ислам целых народов и первые успехи исламского просвещения в регионе¹. (Конечно, не надо путать полуполюгендарного героя кавказских мусульман со знаменитым религиозным деятелем, военным и политиком 'Абд ар-Рахманом Абу Муслимом из Хорасана, который никогда не был здесь до своей гибели в 755 г.²). В Дагестане, Азербайджане, Чечне и Ингушетии о нем до сих пор рассказывают множество легенд. Его имя фигурирует в бесчисленных хрониках и памятных записях (*таварих*). В горах Дагестана разбросано немало святых мест, связанных с шейхом и его сподвижниками (*асхаб*).

Историки привыкли видеть в Абу Муслиме на Кавказе просто курьез, случайную ошибку или злостное искажение истории этого региона средневековыми хронистами³. В чем-то они правы: действительно,

¹ См., например, мнение авторитетного суфийского шейха Са'ида-афанди из с. Чиркей в кн.: *Ал-Чиркави, Сауд-афанди. Сборник выступлений*. Махачкала: Нуруль иршад, 2008. С. 238.

² Lewicki T. Abu Muslim // *The Encyclopaedia of Islam*. Ed. by H.A.R. Gibb, J. H. Kramers, E. Lévi-Provençal et al. Leiden: E. J. Brill, 1986. P. 141.

³ Бартольд В. В. Абу Муслим // *Бартольд В. В. Сочинения*. Т. VII. М.: Наука, 1971. С. 479–481; Саидов М.-С. О распространении Абу Муслимом ислама в Дагестане // *Ученые записки Института истории, языка и литературы им. Г. Цадасы*. Вып. II. Махачкала: Дагестанский филиал АН СССР, 1957. С. 42–51.

рассказы об этом шейхе вобрали в себя реалии сразу нескольких исторических эпох, начиная от раннего Средневековья до Кавказской войны XIX в. Это правда, но не вся правда. Подход к изучению этого исторического персонажа в позитивистской историографии XX в. был избран слишком узкий. В его культе историков интересовали только реальные лица и события раннесредневекового прошлого. Между тем представления о прошлом имеют не меньшее, а порой и большее значение для понимания современной истории разных народов и регионов. Исследования, посвященные культурной памяти и устной истории до сих пор не потеряли своего значения¹. Особенно перспективно их использование для изучения культов святых, апеллирующих к событиям и героям прошлого для нужд современного им общества.

Чтобы правильно разобраться в этой проблематике, нужно использовать весь круг письменных источников и устных преданий об Абу Муслиме на Восточном Кавказе. До сих пор при изучении этой фигуры ограничивались анализом средневековых историко-географических сочинений на арабском и тюркских языках. Огромный пласт чисто этнографических материалов о культах и легендах, связанных с Абу Муслимом, выпадал из поля зрения ученых. Поздние свидетельства об этом шейхе, дошедшие до нас в эпиграфике и микротопонимике XIX–XX вв., столь же необоснованно игнорировались. Между тем сравнительный анализ этих источников важен еще и потому, что позволяет проследить динамику складывания и изменения культа Абу Муслима на Кавказе. В предлагаемой вниманию читателей работе проведен диахронный анализ как письменных, так и устных материалов об Абу Муслиме. Сведения средневековых арабских географов и путешественников, памятных записей и местных хроник сопоставлены с материалами арабской эпиграфики, записями об обрядах и исторических преданий, данными микротопонимики на нахско-дагестанских и тюркских языках.

Основу статьи составляют первоисточники, собранные нами в ходе полевых и архивных исследований на Кавказе в 1990-е — 2010-е годы и частично опубликованные в наших предыдущих работах².

¹ *Halbwachs M.* Les cadres sociaux de la mémoire. Paris: Félix Alcan, 1925; *Halbwachs M.* La mémoire collective. Paris: Albin Michel, 1950; *Vansina J.* Oral Tradition. A Study in Historical Methodology. London: Routledge & Kegan Paul, 1965; *Ассман Я.* Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004.

² *Bobrovnikov V.* Les lieux saints des clans routouls: pratiques religieuses hybrides chez les musulmans daghestanais // *Revue d'études comparatives Est-Ouest*. 2005. Vol. 36. No. 4. P. 157–183; *Bobrovnikov V.* Abu Muslim in Islamic History and Mythology of the Northern Caucasus // *Daghestan and the World of Islam* / ed. by M. Gammer and D. J. Wasserstein. Helsinki: Finnish Academy of Science and Letters, 2006. P. 23–44; *Бобровников В. О.* Абу Муслим // *Ислам на территории бывшей Российской империи: энциклопедический словарь* / под ред. С. М. Прозорова. Т. 1. 2-е изд., доп. и испр. М.: Восточная литература, 2006. С. 15–19.

Легенда об Абу Муслиме на Кавказе

За последние двести лет отношение к Абу Муслиму, да и общий взгляд на историю распространения ислама на Кавказе сильно изменились. Еще в XIX, а порой и в первой трети XX в. с его именем связывались все попытки исламизации Восточного Кавказа, представлявшейся как единовременное событие¹. С эпохи Средневековья такое представление господствовало в мусульманской историографии региона. Его можно обнаружить в знаменитой «Дарбанд-нама», «Истории [исламизации] Дагестана» (*Та'рих ислам фи-д-Дагистан*) Мухаммад-Рафи², аульных хрониках³. Все эти сочинения повторяют одну и ту же легенду. Можно выделить два ее основных, во многом перекликающихся друг с другом варианта: первый распространен в основном в Северном Азербайджане и Южном Дагестане, второй характерен для Северного Дагестана и Чечено-Ингушетии.

В наиболее полном виде первая, более древняя, версия легенды встречается в безымянной арабской хронике, условно названной «Историей Абу Муслима» (*Та'рих Аби Муслим*) востоковедом Н. В. Ханьковым, который обнаружил и опубликовал ее³. Вкратце ее содержание таково: Шейх 'Абд ар-Рахман б. 'Абд ал-Малик Абу Муслим вел род от Пророка Мухаммада по линии его дядьев Хамзы и 'Аббаса т. е. был *саййидом*. Родился он в городе Дамаск в Сирии (араб. *Шам*) и потону имел *нисбу* ад-Димашки аш-Шаами. В родном городе он построил большую соборную мечеть и прочел там свою первую проповедь (*хутба*). Еще в раннем детстве он потерял отца, который пал мучеником (*шахид*), сражаясь «за ал-Хусайна б. 'Али б. Аби Талиба» против омейядского халифа Марвана II. Когда Абу Муслим достиг совершеннолетия, он собрал пятитысячную армию и отомстил за отца, убив Марвана. Совершив ряд походов (*газв*) на Ближнем Востоке, в Малой и Средней Азии (а по некоторым дагестанским хроникам, побывав даже в Индии), он начал семилетнюю войну за веру (*джихад ва-га-зават*) с горцами Кавказа. Абу Муслиму покорились сначала Ширван, затем город Дербент и горные области Дагестана, и, наконец, отдаленные черкесские земли. Обратив горцев в ислам, Абу Муслим

¹ *Гаджи-Али*. Сказание очевидца о Шамиле / под ред. В. Г. Гаджиева. Махачкала: Институт истории, археологии, этнографии ДНЦ РАН, 1995. С. 24–25; *Ад-Дургели, Назир*. Устада умов в биографиях дагестанских ученых (*Нузхат ал-азхан фи тараджим 'улама' Дагистан*). Дагестанские ученые X–XX вв. и их сочинения / пер. с араб., коммент., факсимиле, указ., библи. А. Р. Шихсаидова, М. Кемпера, А. К. Бустанова. М.: Издательский Дом Марджани, 2012. С. 35. Общую характеристику этого представления дал крупнейший дагестанский исламовед А. Р. Шихсаидов. См.: *Гаджиев М. Г., Давудов О. М., Шихсаидов А. Р.* История Дагестана с древнейших времен до конца XV в. Махачкала: Институт истории, археологии, этнографии ДНЦ РАН, 1996. С. 224–226.

² См.: Дагестанские исторические сочинения / сост. и пер. А. Р. Шихсаидов, Т. М. Айтберов, Г. М.-Р. Оразаев. М.: Восточная литература, 1993. 298 с.

³ *Khanikoff N.* Mémoire sur les inscriptions musulmanes du Caucase. Journal asiatique, 1862. Sér. 5. T. 20. P. 82–86 (араб. оригинал), 86–90 (фр. перевод). P. 57–155.

построил для них первые мечети в Дербенте, селениях Ахты, Кара-Кюре, Рича, Куруш, Мака, Цахур, Кала-Корейш, Гази-Кумух, Кубачи, Хунзах и других политических центрах Нагорного Дагестана, где он посадил мусульманских правителей из числа своих ближайших родственников и сподвижников, таких же *саййидов*, как и сам он. От этих арабских наместников вели род крупнейшие позднесредневековые правители Дагестана — *шамхалы* Гази-Кумуха и Тарков, *уцмии* Кайтага, *майсумы* и *кади* Табасарана. Лишь *нуцалов* Аварии возводили к Суракату, последнему немусульманскому правителю Хунзаха и наиболее упорному противнику Абу Муслима. Окончив утверждение ислама на Восточном Кавказе, Абу Муслим вернулся на родину¹.

Вторая версия легенды, попавшая в *Та'рих ислам фи-д-Дагистан* и ряд аварских аульных хроник, рисует Абу Муслима (иначе Абу-л-Муслима) уже местным героем-исламизатором. Он был потомком одного из пяти шейхов-курайшитов, переселившихся на Восточный Кавказ из Сирии за три-пять веков до его рождения. Абу Муслим жил в Хунзахе и был наследным правителем (*амир*) и духовным главой (*имам*) мусульман Аварии. Всю свою жизнь он вел войны за веру (*джихад*) против своих соседей, еще не принявших ислам, то заключая с ними мирные договоры, то нарушая их и возглавляя набеги (*газв*) на земли неверных. Самым упорным и зловредным врагом шейха был Суракат (по другой версии легенды, его отдаленный потомок), правивший Аварией до принятия ею ислама. Неверные были окончательно побеждены хитростью: Абу Муслим притворно отступил, разбросав на поле боя отравленные яства, от которых погибло все войско неверных. Сураката убили. Но от ран, полученных в одном из последних сражений, скончался и Абу Муслим. После его смерти к власти в Хунзахе пришли принявшие ислам потомки Сураката².

Отдельные события и эпизоды обеих версий предания попали в памятные записи, строительные и исторические надписи Нагорного Дагестана XVIII–XX вв. Чаще всего они содержат краткий рассказ о приходе в Дагестан во II или в IV–V вв. *хиджры* (VIII или X–XI в. н. э.) армии мусульман и строительстве здесь первых мусульманских памятников, т. е. конспективно излагают первый вариант легенды. Наиболее известные исторические тексты такого рода находятся на соборных мечетях лакского селения Кумух (Гази-Кумух), лезгинского селения Ахты и агульского селения Рича. По фотографии, сделанной мной в джума-мечети Кумуха 10 мая 2010 г., читаем (рис. 1):

¹ История Абу Муслима // Дагестанские исторические сочинения. С. 79–83. См. также: Дербент-наме. С. 24–27, 32–35; Ахты-наме. С. 69–72.

² «Тарих Дагестан» Мухамадрафи // Дагестанские исторические сочинения. С. 99–107; [Дагестан бусурманляльул история] / пер. с авар. Т. М. Айтберова // Хрестоматия по истории права и государства Дагестана в III–XIX вв. / сост., пер. и коммент. Т. М. Айтберова. Ч. II. Махачкала: Издательско-полиграфический центр ДГУ, 1999. С. 23–24.

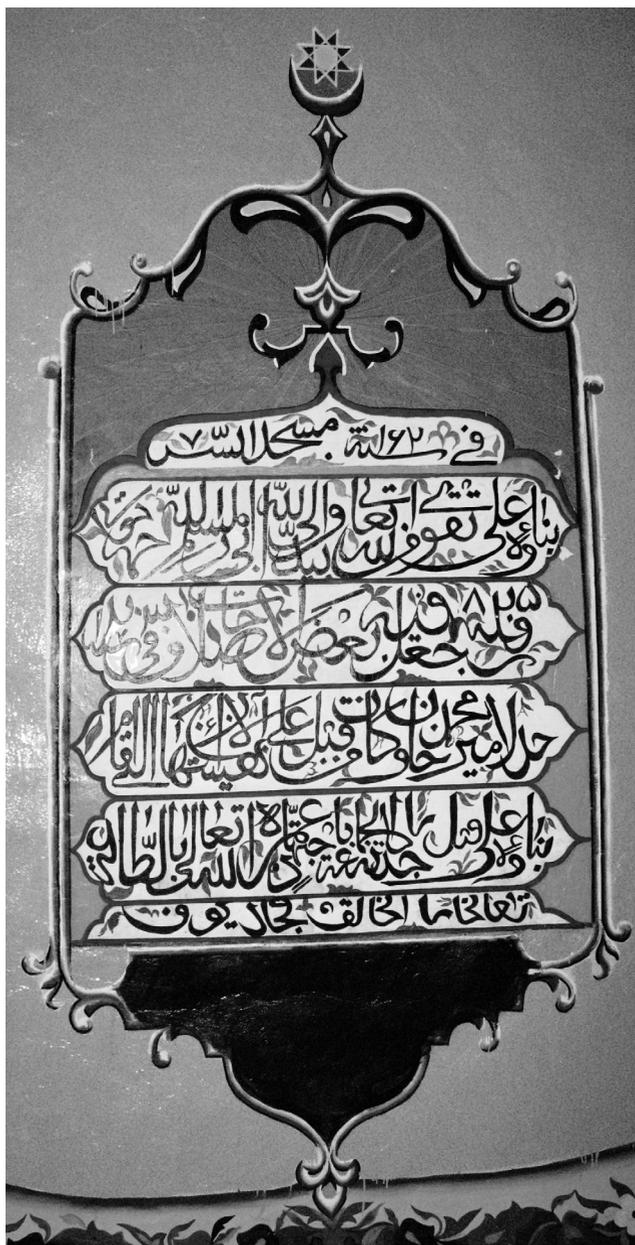

Рис. 1. Историческая надпись о строительстве и реставрациях джума-мечети в с. Кумух.
Фото В. О. Бобровникова. 10.05.2010

«(1) В 162 (778–779 г. н. э. — В. Б.) году была основана мечеть, (2) заложенная ради благочестия ко Всевышнему Аллаху рукой друга Аллаха (вали Аллах) Аби Муслима, да помилует его Всевышний Аллах. (3)

[В] 825 (1421–1422 г. н. э.) году в ней произвели некоторые улучшения, а в 1203 году (1788–1789 г. н. э.) (4) [ее от]ремонтировал правитель (амир, т. е. шамхал. — В. Б.) Мухаммад-хан. Прежде ниша была там, где стоят восточные ворота. (5) [В 1323 (1905–1906 г. н. э.) году? — В. Б.] ее с усердием отреставрировала мечетная община (ал-джама'а), да дарует ей Всевышний Аллах долголетие в повиновении [воле Божьей]. (6) [Переписчик — раб Его (т. е. Божий. — В. Б.) 'Абд] ал-Халик Каж[ла]ев»¹.

Ахтынская историческая надпись, нанесенная на внутреннюю стену мечети по случаю очередного ремонта здания, произведенного в 1899 г., гласит (рис. 2):

Рис. 2. Историческая надпись о строительстве и реставрациях джума-мечети в с. Ахты. Фото З.Ш. Закарияева. 28.01.2005

¹ Фото и пер. В. О. Бобровникова. Арабский текст надписи издан М.-С. Д. Саидовым и без изменений перепечатан Л. И. Лавровым. См.: Саидов М.-С. О некоторых памятниках материальной культуры в лакских районах ДАССР // Ученые записки Института истории, языка и литературы им. Г. Цадасы. Вып. III. Махачкала: Дагестанский филиал АН СССР, 1957б. С. 124; Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках / сост., пер., коммент. и прилож. Л. И. Лаврова. Ч. 2. Надписи XVIII–XX вв. М.: Наука, 1968. С. 109. Надпись № 665. Вероятно, перевод Саидова сделан по памяти и поэтому содержит множество ошибок. Многие фразы не связаны с оригиналом. В 1989 г. соборная мечеть Кумуха была отреставрирована. При этом сильно попорченная надпись была восстановлена. Однако реставраторы, по-видимому, не владели арабским, и потому исказили третью, четвертую и пятую строки надписи. Наш перевод сделан на основе сопоставления фотографий, снятых нами в 2010 г., с фото А. Р. Шихсаидова 1970-х годов. Здесь и ниже в круглых скобках указаны номера строк; в квадратные скобки заключены восстановленные по смыслу слова и выражения.

«(1) “Только тот может находиться в мечетях Аллаха, кто уверовал в Аллаха и в Судный день, кто совершает салат, вносит закат и не боится никого, кроме Аллаха. Возможно, они и будут (2) на верном пути”¹. Следуя этому благородному *айату*, община селения Ахты (*джама’ат карйат Ахты*) области Самур (*нахийат Самур*) отстроила (*джаддада*) эту пятничную мечеть на месте древней мечети, (3) которую построил (*бана*) отважный правитель (*малик*) Абд ар-Рахман, известный под именем Абу Муслим из Дамаска, из Сирии (*ад-Димашки аш-Шами*), завоеватель Дагестана (*билад Дагистан*), ввиду того что постройка пришла в ветхость (4) за прошедшие века и времена. О Аллах, сделай ее переполненной [молящимися] и украшенной поклонением [Аллаху] до скончания веков! В 1316 г., а по христианскому летоисчислению (*би-л-масихиййа*) — 1899 г.²».

Ричинская запись сделана уже в советское время имамом местной мечети, очевидно, хорошо знавшим дагестанские хроники. Ее текст занимает первый из трех вертикальных столбцов длинной арабской строительной надписи о реставрации здания в 1380 г. х. (1961 г.):

«(1) Абу Муслим вышел из Дамаска в (2) Дагестан в 115 (733–734 г. н. э. — В. Б.) году, сражался с ними (т. е. неверными горцами. — В. Б.) (3) за веру (*ли-аджл ад-дин*) и построил несколько мечетей, (4) вместе с которыми построил и соборную мечеть Рича (*масджид ал-джами’ Рича*)...»³

В нашем распоряжении имеется также несколько сотен памятных записей из арабских рукописей Дагестана, переписанных в XVIII–XX вв. Это своего рода краткие анналы походов и строительной деятельности Абу Муслима в Дагестане и на Восточном Кавказе. Их сходство с приведенными выше историко-строительными надписями позволяет предположить существование единого источника всех этих текстов. Вот несколько наиболее типичных из них:

«Дата исламизации (*та’рих ислам*) Дагестана рукой Аби Муслима и разрушения крепости Анджи — 114 год» (732–733 г. н. э. — В. Б.)⁴.

¹ Коран, 9: 18 / пер. М.-Н. О. Османова.

² Фото и пер. З. Ш. Закарияева. Ср.: Шихсаидов А. Р. Эпиграфические памятники Дагестана X–XVII вв. как исторический источник. М.: Наука, 1984. С. 365. Интересно отметить, что в этой надписи причудливо соединены исторические реалии разных эпох: времен первых арабских походов на Восточный Кавказ и российского дореволюционного режима. В 1860–1917 гг. Ахтынское сельское общество (*джама’ат*) относилось к Самурскому округу (*нахийат Самур*) Дагестанской области, упомянутому в надписи.

³ Чтобы подчеркнуть некоторые нюансы исторического предания об Абу Муслиме, мы приводим здесь свой дословный перевод текста надписи по фотографии, опубликованной в кн.: Шихсаидов А. Р. Эпиграфические памятники Дагестана X–XVII вв. как исторический источник. С. 366. Рис. 140.

⁴ Две одинаковые памятные записи, одна из рукописного сборника (*маджму’*), переписанного Муслимом из с. Урада в 1313/1895–1896 г. (Научный архив Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН в Махачкале. Ф. 1. Оп. 1. Д. 531. Л. 17), другая — из частного собрания А. Гайдаросманова в Махачкале. Их публикацию Т. М. Айтберовым, см. в кн.: Письменные памятники Дагестана XVIII–XIX вв. / сост. Х. А. Омаров; отв. ред. А. Р. Шихсаидов. Махачкала: Дагестанский филиал АН СССР, 1989. С. 136, 137.

«Дата (*та'рих*) распространения ислама в Дагестане рукой Аби Муслима — 115 [год]».

«Дата (*та'рих*) прихода в Дагестан Абу-л-Муслима Первого, распространения им веры (*ад-дин*) и его смерти в Хунзахе — 129 [год] (746 г. н. э. — В. Б.)»¹.

Кроме того, о роли Абу Муслима, его родственников и сподвижников в исламизации разных горных областей и селений региона говорят устные предания горцев. Почти все они были записаны в конце XIX или в первой половине XX в. Чаще всего подобные истории объясняют значение чудесных реликвий, хранящихся в мусульманских святынях (*пир, зийара*). К ним относится прежде всего меч (по другим сведениям кинжал), по преданию, принадлежавший Абу Муслиму и оставленный им кавказским мусульманам перед возвращением на родину. Одна из таких реликвий до конца 1930-х годов находилась в *пире* у табасаранского селения Чурдаф недалеко от почитаемой святой пещеры Дюрк, другая вместе с белым знаменем шейха (авар. *байрахъ*) с медным наконечником — в квартальной мечети Каланиб аварского селения Чох. Приписываемые Абу Муслиму сабля, ветхий халат и посох с железным наконечником до сих пор хранятся в мавзолее (*худжра*) при квартальной мечети Самилахъ аварского селения Хунзах. Самый северный памятник, связанный с нашим героем, — это знаменитый христианский храм Тхоба Ерды в Ингушетии, где он был похоронен, согласно местной легенде.

Как и в Чурдафе, в Чохе был хранитель реликвий шейха. Эта должность передавалась по наследству в тухуме Османовых, которые считали себя потомками арабов, пришедших на Кавказ вместе с Абу Муслимом и основавших Чох. Согласно их родовому преданию, покидая Дагестан, Абу Муслим оставил в Чохе свое знамя и саблю как знак власти своему сподвижнику и родственнику Осману. Эти реликвии подробно описал в 1944 г. этнограф Е. М. Шиллинг. Переданные в Центральный антирелигиозный музей в Москве, реликвии затерялись после его расформирования в 1947 г., но в 2013 г. были обнаружены историком П. И. Тахнаевой в фондах Государственного музея истории религии в Санкт-Петербурге² и в 2018–2019 гг. экспонировались на выставке (рис. 3). Здесь представлены два флага — один, по палеографическим особенностям типичного дагестанского *насха* отнесенный

¹ Оба текста скопированы для Института истории, языка и литературы им. Г. Цадасы М. Гайдарбековым «из записей дагестанских арабистов» без указания источников, времени их переписки и места хранения. См.: Гайдарбеков М. Хронология истории Дагестана // Научный архив Института истории, археологии, этнографии ДНЦ РАН (Махачкала). Ф. 3. Оп. 1. Д. 236. Т. II. С. 31, 18.

² Тахнаева П. И. Знамя и сабля шейха Абу Муслима: чохские исламские реликвии // Народы Кавказа: музейные коллекции, исследования объектов и явлений традиционной и современной культуры / отв. ред. Ю. Ю. Карпов. СПб.: МАЭ РАН, 2015. С. 111–112.

И. Ю. Крачковским к концу XIX в., и другой, вышитый в 1914 г. для его замены¹. Надписи на них идентичны:

Рис 3. Знамя и сабля тухума Османовых, происходящих от Абу Муслима. С. Чох, мечеть КИаланиб. Ныне Государственный музей истории религии. Санкт-Петербург. Фото В.О. Бобровникова. 18.03.2019

«(1) О, Отпускающий пленника! О, Восстанавливающий сокрушенного!
 (2) О, Обогащающий бедного! О, Питающий малого!
 (3) О, Исцеляющий больного. Дата — 115 (733–734 г. н. э. — В. Б.) [год]
 (4) Взавший это [знамя] — старший из рода наместника Пророка Османа,
 (5) Повелителя правоверных. [Это –] остаток Абу-л-Муслима, победителя Дагестана» (пер. И. Ю. Крачковского²).

¹ Шиллинг Е. М. Из истории одного дагестанского земледельческого культа // Краткие сообщения Института этнографии АН СССР. Вып. 1. 1946. С. 33.

² Шиллинг Е. М. Из истории одного дагестанского земледельческого культа. С. 32–33.

Смысл текста следующий. Первые три строки состоят из эпитетов Аллаха, которые обычно употребляют при молитве, в заклинаниях, а также часто пишут на амулетах. В последних двух строках заключалась памятная запись о походе Абу Муслима и повеление давать флаг только в руки саййиду. Слово «остаток» в пятой строке по смыслу должно быть отнесено к слову «взявший», имеющему также значение «владеющий, держащий», т. е. несущий флаг является потомком Абу Муслима, а «это», т. е. знамя, есть реликвия, оставшаяся от Абу Муслима. Дата 115 г. х., уже встречавшаяся выше в памятных надписях, конечно же, означает год прихода в Дагестан войска Абу Муслима и принятия ислама горцами. По смыслу она должна завершать текст 5-й строки.

С Абу Муслимом, его братьями, сестрой и прямыми потомками связывали себя целые кланы (*тухум*) и даже селения. Генеалогия в составе эпитафии XVIII в. на стене мавзолея шейха Пир Сулеймана возводит его род к Абу Муслиму¹. Лезгинская легенда приписывает основание с. Ахты сестре шейха по имени Умм ал-Му'минат, похороненной под южной стеной *джума*-мечети, где находится упомянутая выше памятная надпись. Согласно поздней ложной этимологии, название Ахты возникло от арабского слова *ухт* («сестра»)². Даргинское предание выводит название столицы уцмиев Кайтага селения Кала-Корейш из арабского «Крепость курайшитов». Его считают стоянкой отряда арабов-*гази* во главе с Абу Муслимом³. В Северном Дагестане опорными пунктами войск Абу Муслима называют Хунзах, андийские селения Анди и Муни. Согласно полевым материалам 1946 г. известного этнографа Е. М. Шиллинга, отсюда «Абу Муслим распространял по всему “участку” мусульманские порядки и двигался для “просвещения” [горцев в исламе] в другие районы (в том числе в Ботлих)»⁴.

Не в меру суровый суд над Абу Муслимом

Несмотря на популярность легенды об исламизации Кавказа Абу Муслимом уже мусульманские ученые XIX в. заметили в ней много грубых исторических ошибок и несуразностей. Научную критику кавказской легенды об Абу Муслиме впервые дал азербайджанский историк Аббас-Кули-ага Бакиханов (1794–1847). В «Гюлистан-и Ирам», сочинении охватывающем средневековую и новую историю Восточного Кавказа, он опирался на

¹ Шихсаидов А. Р. Эпиграфические памятники Дагестана X–XVII вв. как исторический источник. С. 244.

² Ахты-наме // Дагестанские исторические сочинения. С. 70, 72, 73.

³ Генко А. Н. Арабский язык и кавказоведение // Труды второй сессии Ассоциации арабистов. М.-Л.: Изд-во АН СССР. 1941. С. 92.

⁴ Шиллинг Е. М. Народы Кавказа: Малые народы Дагестана. М.: ИЭА РАН, 1993. С. 71, 103.

сведения местных исторических хроник, включая упоминавшиеся выше «Дарбанд-нама», «Ахты-нама», «История [исламизации] Дагестана». Сопоставляя их сведения с сочинениями средневековых арабских и османских авторов, Бакиханов пришел к выводу, что под именем Абу Муслима скрывается другой полководец Арабского халифата, живший во II в. хиджры, скорее всего знаменитый Маслама б. Абд ал-Малик, брат омейядских халифов ал-Валида I и Хишама. Безымянные дагестанские хронисты спутали Масламу с арабским миссионером V в. хиджры по имени Абу Муслим, проповедовавшим ислам в Северном Дагестане.

«Можно предположить, что этот Абу Муслим есть тот самый Маслама, о котором мы говорили выше, — писал Бакиханов. — Вероятно, переписчики исказили его имя, или Абу Муслим есть его *кунья*, прозвище, дававшееся арабами почетным лицам... Шейх Абу Муслим... как видно, жил со своим семейством в Дагестане в пятом веке хиджры. В Хунзахе показывают его могилу под каменным сводом. Там же хранятся его сабля и верхняя одежда — халат. Мы полагаем, что эти события (т. е. исламизация Нагорного Дагестана — В. Б.) случились при нем, а не при Абу Муслиме, брате халифа (зд. Масламе — В. Б.), который приходил сюда с войском на короткое время, и трудно поверить, что он привез сюда с собой сестру и выдал ее здесь замуж»¹.

Вместе с тем, как заметно из приведенного выше отрывка, Бакиханов в целом продолжал верить в легенду, в частности в ее сообщение о сестре Абу Муслима. Дагестанский историк Хасан-афанди Алкадари (1834–1910) более критически подошел к текстам, которым доверял Бакиханов. Он установил, что сообщения легенды о благородном происхождении из корейшитов Сирии перешли к Абу Муслиму из биографии Масламы. Алкадари настаивал на необходимости отличать знаменитого Абу Муслима из Хорасана от его кавказского тезки, по его мнению, просто перепутанных средневековыми хронистами². Еще раньше легендой о шейхе заинтересовался один из основателей отечественного востоковедения А. К. Казем-бек (ум. 1870). Получив хорошее мусульманское образование, а затем овладев и европейской востоковедной традицией, он ввел в научный оборот немало сочинений, составлявших канон мусульманской науки на Восточном Кавказе и в Закавказье. Заслугой Казем-бека является научное издание кавказских текстов об Абу Муслиме на тюркских и арабском языках, в первую очередь — знаменитой «Дарбанд-нама»³.

¹ Бакиханов А. К.-А. Гюлистан-и Ирам / пер., ред., коммент., примеч. и указ. З. М. Буниятова. Баку: Эльм, 1991. С. 55, 63–64.

² Алкадари Г.-э. Асар-и Дагестан / пер. А. Гасанова; под ред. В. Г. Гаджиева. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1994. С. 43–44.

³ *Derbend-Nameh or the History of Derbend* translated from a select Turkish version and published with the texts and notes illustrative of the history, geography, antiquities etc. by Mirza A. Kazem-Beg. SPb.: Imperial Academy of Sciences, 1851.

Настоящий переворот в изучении рукописей произошел в XX в. Стало возможным окончательно развести легенду и историю. В 1926 г. В. В. Бартольд установил местное происхождение легенды об Абу Муслиме, вошедшей в хронику «Дарбанд-нама», сложившуюся, по его мнению, не позднее 1099/1687–88 г., когда был записан ее список, хранящийся в Санкт-Петербурге¹. Точки над «i» в вопросе об исторической недостоверности легенды поставила статья М.-С. Д. Саидова. Ее общий вывод неутешителен: «версия об Абумуслиме сплошная выдумка незадачливых компиляторов и безответственных переписчиков»². Кавказского Абу Муслима и его знаменитого тезку разделяет, во-первых, разница в происхождении. Хорасанский герой был не потомком Пророка, и даже не арабом, а безродным персом-рабом. Во-вторых, генеалогии мусульманских правителей Нагорного Дагестана фиктивны, содержат много немусульманских имен и относятся к послемонгольской эпохе. Невероятно, чтобы в середине VIII в. полководец омейядских халифов передал власть над покоренным Кавказом потомкам Аббаса, к которым Омейяды были крайне враждебны³. «Та'рих ислам фи-д-Дагистан», по верному замечанию Минорского, представляет собой «тенденциозный политический памфлет, имеющий целью обосновать претензии шамхалов на преобладающее положение в Дагестане»⁴. В-третьих, легенда приписывает одному и тому же шейху религиозные войны, которые велись на Восточном Кавказе почти 500 лет, начиная с 710-х г. (еще до рождения первого Абу Муслима, жившего в 727–755), кончая 910-ми либо 1250-ми годами (через 157 и 507 лет после его смерти). Поэтому наряду с Масламой к прототипам Абу Муслима можно причислить местных кавказских героев исламизации: суфиев, воителей за веру (*гази*), правителей городов и сельских общин⁵. И последнее, но не менее важное обстоятельство: святые места, связанные с Абу Муслимом, возникли либо до арабских завоеваний, либо через много веков после их окончания.

Критический разбор исторической подоплеки легенды не снимает вопроса о причинах и этапах ее формирования. Остается неясным, как в образе одного шейха слились разные события и герои исламизации.

¹ Бартольд В. В. К вопросу о происхождении «Дербент-наме» // Бартольд В. В. Сочинения. Т. VIII. М.: Наука, 1973. С. 474–475.

² Саидов М.-С. О распространении Абумуслимом ислама в Дагестане // Ученые записки Института истории, языка и литературы им. Г. Цадасы. Вып. II. Махачкала: Дагестанский филиал АН СССР, 1957. С. 50–51. Ср.: Гаджиев М. Г., Давудов О. М., Шихсаидов А. Р. История Дагестана с древнейших времен до конца XV в. С. 224–226.

³ Саидов М.-С. О распространении Абумуслимом ислама в Дагестане. С. 51.

⁴ Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербенда X–XI вв. М.: Наука, 1963. С. 24–25.

⁵ Khanikoff N. Mémoire sur les inscriptions musulmanes du Caucase. P. 97.; 'Али Гумуки (Каяев). 'Ала йад ман асламна // Дагистан (газета, араб. яз.). Темир-Хан-Шура. 1918. № 9. С. 4.

Почему предания о нем вот уже столько веков имеют на Кавказе такую удивительную популярность? К рассмотрению этих сюжетов мы переходим ниже. В этом разделе мы сознательно воздерживались от разбора отдельных элементов легенды, чтобы читатель смог составить себе общее впечатление о предании. Ниже мы разберем отдельные исторические сюжеты и социальные функции культа.

Культурная память очень долгой исламизации

Целый ряд недоразумений, которые кавказская легенда об Абу Муслиме вызывала у ученых-позитивистов XX в., снимается, если мы учтем ее жанр как исторического источника. Похоже, здесь речь идет о записи устного фольклора и культурной памяти, изучение которых, как известно, ставит перед исследователями иные задачи, чем реконструкция прошлого. Здесь есть своя логика, свое представление о времени и пространстве. Историческая память обращена не столько в прошлое, сколько в настоящее. Для нее важно не то, как все случилось на самом деле, а какое значение прошлое имеет для осознания людьми своего настоящего. Вообще отношение исторической памяти к прошлому сложнее, чем представляется. Очень тонко эти особенности культурной памяти, отраженной в народном фольклоре отметил знаменитый фольклорист В. Я. Пропп:

«Былина основана не на передаче в стихах исторического факта, а на художественном вымысле, который именно как **вымысел** (выделено Проппом. — В. Б.) определяется историей. Непонимание этого приводит к тому, что былинных героев ищут в летописях и в повествовательной литературе и полагают, что находят их, так как отличие художественных форм и жанровой принадлежности эпоса и летописи полностью игнорируется...»¹ Отношение к времени в эпосе Пропп определяет следующим образом: «Певец, конечно, понимает, что события песни относятся к прошлому. Об этом свидетельствует название песен “старинами”... Тем не менее вопрос этот не так прост, как может показаться на первый взгляд. Искусство эпоса до некоторой степени родственно искусству драматическому. Когда зритель смотрит на сцену, он, конечно, знает, что изображаемые на сцене события в преобладающем большинстве случаев относятся к прошлому. Воспринимаются же они как события, происходящие перед нашими глазами в настоящем. Нечто сходное имеется и в эпической поэзии. Относя воспеваемые

¹ Пропп В. Я. Основные этапы развития русского героического эпоса // Пропп В. Я. Сказка. Эпос. Песня: собрание трудов. М.: Лабиринт, 2001. С. 155.

события к прошлому, певец вместе с тем видит их перед глазами. Они для него совершаются в настоящем»¹.

Подход В. Я. Проппа к русским былинам с известными оговорками можно применить и к легендам об исламизации, как к сходному жанру. Нельзя не согласиться с тем, что герой исторической легенды не может копировать реальное историческое лицо, известное под тем же именем. Уподобление Абу Муслима легенды хорасанскому герою или одному из одноименных арабских шейхов, действовавших на средневековом Восточном Кавказе, методологически столь же нелепо, как, например, приравнивание Добрыни Никитича русских былин к дяде киевского князя Владимира, а еще более фантастического Змея Тугарина — к динозавру. Не следует повторять грубых ошибок М. Халанского, Б. А. Рыбакова и других представителей русской исторической школы. Пропп верно отметил, что в исторической памяти образы прошлого неизбежно осовремениваются. Поэтому переносить их современные оценки в прошлое для его реконструкции будет непростительной ошибкой. Скажем, нельзя представлять себе имама Шамиля борцом с горскими феодалами и защитником «горской демократии», как его рисуют некоторые современные публицисты².

Культурная память имеет коллективную природу. Она лепит из случайного исторического материала образы, важные для идентификации общественных групп. Герои и события прошлого обычно теряют индивидуальные черты³. В этом отношении легенду о деятельности Абу Муслима на Восточном Кавказе конечно следует относить не к истории, а к культурной памяти исламизации. Сохранилось бесчисленное количество вариантов записей этого предания, чем объясняются частые в ней разногласия и внутренние противоречия. Все они рисуют Дагестан областью войны (*дар ал-харб*) между мусульманами и неверными. Но исламизация на Восточном Кавказе изображается то как результат одного-единственного похода арабов в горы, то как цепь бесконечных войн за веру (*джихад*), набегов на города и селения иноверцев (*газават*) и борьбы за чистоту ислама с лицемерами (*мунафикун*) и неверными (*куффар*). Чтобы понять характерные черты исторической памяти этого сложного явления, возьмем к примеру пассаж из *Та'рих ислам фи-д-Дагистан*:

«...Жители Дагестана были [раньше] неверными, порочными (*фаджиран*) людьми [из населения] области войны (*дар ал-харб*). Они поклонялись идолам, были наделены мужеством и богатством, [вместе с тем]

¹ Пропп В. Я. Основные этапы развития русского героического эпоса. С. 142.

² Ср.: Тахнаева П. И. Имамат Шамиля в современной историографии. Государственное образование (имамат) Шамиля: органы власти и управления. Махачкала, 2015. 504 с. // Историческая экспертиза. 2016. № 1. С. 200–219.

³ Ассман Я. Культурная память. С. 17, 48, 77.

были более отвратительны, чем собаки. В каждом селении находились правители негодные, порочные (*фаджирун*), охваченные неверием и грехом. В каждом городе (*балда*) были преступные и грешные ханы (*умара*), которые “приказывают неодобряемое и удерживают от одобряемого”¹... Знайте, передают, что по прошествии двухсот лет с момента хиджры чистой, пророческой, вечной и бесконечной группа лиц из потомков двух дядьев по линии отца нашего пророка Мухаммада, — да благословит его Аллах и да приветствует! — покинула благословенную Мекку, светлую Медину и благородный Шам с двумя тысячами воинов из своих соплеменников и родичей... чтобы совершить священную войну (*джихад ва газават*) и распространить по мере своих сил ислам в некоторых государствах и [отдельных] их частях. Из земель неверных они обошли много *вилайатов* и краев, пока Аллах не определил то, что предопределено... Подлинно, достоинства священной войны с неверными и мученичества на пути [приведения неверных к] покорности являются лучшей наградой... Они вышли и отправились в полном согласии в эту обитель войны на слонах, верблюдах, скакунах. Когда жители Дагестана узнали об этом, то собрались вместе, войска проклятых неверных Дагестана и воины негодных ‘урусов, которые в согласии с дагестанцами поровну делили добро, зло, важные дела у города Джур... Неверные были поражены с помощью Господа миров. И вели мусульмане сражения, битвы, борьбу и споры в Дагестане, добиваясь [награды] от Аллаха. Они разорили Хайдак... Затем они разграбили все имущество неверных с помощью Аллаха... Затем [мусульмане] заключили с ханами (*умара*) *вилаята* Гумик (Кумух. — В. Б.) открыто договор, а когда прошло немного времени, нарушили этот договор тайно и обманом предали неверных мечу, разгромили их, подчинили их селения, овладели их городами и обратили их жителей в ислам... [Мусульмане] опустошили сильнейший из городов (*билад*) Дагестана, резиденцию его владетеля — город Хумз (зд. с. Хунзах. — В. Б.) при помощи принуждения и насилия и убили многих воинов и их помощников, пленили их жен и детей, забрали их имущества и богатства... Таким образом мусульмане подчинили все области жителей гор, то есть Дагестан: частью — пленением, мезью, убийством и разрушением, частью — исламом (букв. «замирением». — В. Б.), поселением [мусульман] и хорошим обращением...»²

Эта длинная цитата ясно показывает, как сложно в тексте переплелись реалии разных эпох. Известия о раннесредневековых Хайдаке (Кайтаг)

¹ Парафраз из Корана, 111: 110 (114).

² «Тарих Дагестан» Мухамадрафи. С. 97–98, 99, 101–102. В этом и последующих переводах мы сочли возможным изменить ряд соционимов, таких как эмиры (*умара*), под которыми в дагестанских текстах на арабском языке обычно понимаются представители местной военной знати — ханы и беки. Подробнее о нормах передачи арабоязычных дагестанских соционимов см.: Бобровников В. О. Мусульмане Северного Кавказа: обычай, право, насилие. М.: Восточная литература, 2002. С. 113–133.

и Гумике (Кумух), поселении Масламой арабов из Сирии в Дербенте соседствуют с сообщениями о засилье в Дагестане русских ('урус). В последних вслед за Казем-беком можно видеть дружину киевского князя Святослава, совершившего в 965 г. поход против хазар¹. Вместе с тем в поношении «негодных 'урусов» можно заметить отголоски Кавказской войны XIX в. Эти дополнения могли быть внесены в ходе переписывания хроники. Недаром список, с которого был сделан перевод, датирован 1830–1831 г. На 1830 г. падает поход на Хунзах первого имама Гази-Мухаммада. Не случайно и в тексте хроники немало выпадов против ханов Хунзаха. Эпитеты пороков горской знати напоминают обличения сторонников шариатского движения XVIII–XIX вв., упрекавших ее в забвении ислама, беззакониях (*фиджар*) и лицемерии (*мунафака*)².

Аналогичные анахронизмы, напоминающие ориенталистские выпады уже не средневековой, а новой колониальной эпохи, встречаются в хронике секретаря Шамиля Хаджжи-Али (Гаджи-Али) из Чоха о джихаде XIX в. против Российской империи и признавших ее власть мусульман-коллаборационистов:

«...Со времен Абу-Муслим-хана Шамского Дагестан большею частью управлялся потомками его под именем ханов и беков... Горцы дики, как сама природа, окружающая их, хищны как звери... Они прежде исповедовали разные религии и управлялись князем Сурака из племени русов, столицей коего было селение Танус, что в Аварии... Потом... в 200 году хиджры Абу-Муслим Шамский покорил и силой оружия заставил горцев принять мусульманскую веру... Абу-Муслим Шамский наложил посильную дань на дагестанские племена и поставил в каждом из них хана из своих родственников... Поколения и ханы сменялись, а с ними изменялось и положение горцев, они начали приходить в упадок, каждый стал предаваться своим страстям и уклоняться от пути Аллаха, одни сделались разбойниками, другие ворами... По словам историков, земля Дагестана сделалась смесью крови, драк и раздоров. Эти внутренние междоусобия, войны с пограничными странами и, наконец, в последнее время упорная война с русскими при Гази-Мухаммаде, Хамза-беке и Шамиле не прекращались до сего дня»³.

Можно предположить, что в данном случае на представления об исламизации у обоих авторов повлияли впечатления от полувековой

¹ Derbend-Nameh. P. 212–213. Note 8.

² Хроника Мухаммеда Тахира ал-Карахи о дагестанских войнах в период Шамиля. Арабский текст, подготовленный А. М. Барабановым под ред. акад. И. Ю. Крачковского. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1946. С. 7, 13–15; *Абдурахман из Газикумуха*. Книга воспоминаний / *Китаб тазкира*. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1997. Л. 376–38а, 208а–208б; [*Исхак Урминский*. *Али Салтинский*]. История шариатского восстания в Чечне и Дагестане и имамата 1877 г. // Восстания дагестанцев и чеченцев в послешамилевскую эпоху и имамат 1877 года: материалы / сост., пер. и коммент. Т. М. Айтберова, Ю. У. Дадаева, Х. А. Омарова. Махачкала: Фонд Шамиля, 2001. С. 130–131.

³ *Гаджи-Али*. Сказание очевидца о Шамиле. С. 24–25.

жестокой Кавказской войной, современниками которой они были. В то же время в таком взгляде можно видеть отражение реалий процесса исламизации, затянувшегося на Восточном Кавказе на тысячу с небольшим лет, с рубежа VII–VIII до начала Нового времени. Длительность этого процесса порой чувствовали и безымянные авторы памятных записей. В глоссе на полях одного из списков «Дарбанд-нама» читаем:

«Дата (*та'рих*) [распространения] ислама в Дагестане Абу Муслимом, строительства Кала-Корейша и разрушения крепости Анджи в 114 г. хиджры (732–733 г. н. э. — *В. Б.*)... Между [принятием] ислама [в] Дагестане и [принятием] ислама [в] Кубачи [прошло] пятьсот семьдесят лет»¹.

Хотя легенда об Абу Муслиме приписывает исламизацию Дагестана арабам, на самом деле роль Арабского халифата здесь была довольно скромной. Можно выделить три больших периода исламизации Восточного Кавказа². На первом из них (в VII — сер. X в.) арабы силой оружия обратили в ислам жителей Дербента и близлежащих селений. Арабское завоевание проходило в обстановке непрекращавшихся войн с хазарами, история которых отразилась в «Дарбанд-нама» и других более поздних местных мусульманских хрониках³. Историческую память об этом периоде запечатлел первый, более древний, вариант легенды об Абу Муслиме. Не случайно он встречается в основном в Южном Дагестане и Азербайджане, где, собственно, и проходили арабские завоевания. Большинство процитированных анналов передают деяния в основном Масламы против хазар. К X столетию Южный Дагестан принял ислам, но военные силы Халифата иссякли. Поэтому в памятных записях и хрониках на 10-е годы IX в. падает строительная деятельность Абу Муслима⁴.

Второй период исламизации региона пришелся на вторую половину X – XVI в. Решающую роль в нем сыграли отряды воителей за веру (*гуза*) владык и союзов общин Центрального и Южного Дагестана, суфии и миссионеры из Закавказья. Ислам двигался с юга на север, с равнины в горы. К XIII–XIV вв. он утвердился на большей части территории региона, вытеснив христианство монофизитского и православного толков, и иудаизм. Недаром одна из версий «Та'рих Аби Муслим» делает мужем сестры Абу Муслима обращенного в ислам иудея Исхака Кундишкана. Только в XV–XVI вв. мусульманские миссионеры из

¹ Дербент-наме б. г.: 47(б). Цит. по кн.: Шихсаидов А. Р. Ислам в средневековом Дагестане (VII–XV вв.). Махачкала: Дагестанский филиал АН СССР, 1969. С. 191. Ср.: Гайдарбеков М. Хронология истории Дагестана. Т. VII. С. 32.

² Шихсаидов А. Р. Распространение ислама в Дагестане // Ислам и исламская культура в Дагестане / отв. ред. А. Р. Шихсаидов. М.: Восточная литература, 2001. С. 5; Аликберов А. К. Северный Кавказ // Ислам на территории бывшей Российской империи: энциклопедический словарь / под ред. С. М. Прозорова. М.: Восточная литература, 2006. С. 353–361.

³ Дербент-наме. С. 21–31, 37; Ахты-наме. С. 69–71.

⁴ Гаджиев М. Г., Давудов О. М., Шихсаидов А. Р. История Дагестана с древнейших времен до конца XV в. С. 204, 226.

Аварии и Засулакской Кумыкии обратили в ислам андо-цезские народы и вайнахов. Историческая память об этом этапе составила основу второго «северного» варианта легенды об Абу Муслиме. Дробление единого потока исламизации вызвало появление бесчисленных аульных вариантов самой легенды, фиктивных саййидских генеалогий и новых святых мест. В каждом районе Абу Муслиму приписывают множество родственников и арабов-сподвижников. В Ахтах — это его сестра, в Северном Дагестане — два двоюродных брата по имени Муса в Ашали и Эндирее.

В устных легендах и ритуалах, связанных со святынями (зийарат) Абу Муслима, отчетливо выделяется мотив локальных войн между ханствами, сельскими конфедерациями и просто селениями, одни из которых уже приняли ислам, а другие оставались язычниками или христианами. В с. Чох еще в начале XX в. совершался следующий любопытный обряд. Каждой весной на праздник первой борозды (*оц бай* — авар. букв. «запрягание быка»), а также в день Уразабайрам из квартальной мечети выносили саблю и знамя Абу Муслима. Участвовать в обряде могли только представители небольшого тухума Османовых, ведущих свой род от арабов-саййидов. Затем чохцы выходили на дорогу, ведущую к соседнему аварскому селению Ругуджа. У околицы будун (зд. *му'аззин*) трижды произносил — «*ла илаха илла-л-Ллах*», — и после этого разбивал саблей глиняный кувшин, прося Аллаха дать чохцам обильный урожай и лишить его тушин (т. е. «грузин», зд. «христиан») (рис. 4). Этот обряд, возникший в память о былых конфликтах чохцев с ругуджинцами, позже них принявшими ислам, просуществовал до начала коллективизации в 1927 г.¹

В третий период, в XVII–XIX вв., исламизация коснулась норм быта, права, частной и общественной жизни горцев Северо-Западного Дагестана и Чечни, сохранивших немало противоречащих *шари'ату* обычаев и норм обычного права (*'адат*), унаследованных ими от своих частью языческих, частью христианских предков. Еще в первой трети XIX в. женщины не носили тут шаровар под юбкой, мужчины употребляли запретные для мусульман мясные блюда, спиртные и одурманивающие напитки (*бузу*), на свадьбах и земледельческих праздниках справляли

Рис. 4. Мусаясул Х. Обряд кувшиноразбивания в с. Чох. 1920-е гг. Из кн.: Тахнаева П. И. Аул Чох: мир ушедших столетий. М.: Новости, 2010. С. 29

¹ Тахнаева П. И. Аул Чох. Мир ушедших столетий. М.: Новости, 2010. С. 25, 29.

обряды эротического содержания. Вопреки требованиям *шариата* горцы часто лишали наследства женщин, захватывали имущество односельчан неисправного должника в обеспечение долга (*ишкиль, баранта*)¹. От этих обычаев горцы постепенно отошли на волне шариатского движения, зародившегося среди улемов из союзов сельских общин Дагестана XVIII в. и достигшего апогея в правление Шамиля (1834–1859). В культурной памяти горцев эпоха *имамов* получила названия «времени *шари‘ата*» в противоположность предшествующей эпохе господства *‘адата*².

Предание отразило «приливы» и «отливы» в распространении ислама, отмеченные переселениями кипчаков и огузов до X–XI вв., монгольским нашествием XIII в., походами Тимура конца XIV в., экспансией Сефевидов в XV–XVII вв. и, наконец, российским завоеванием. Несмотря на сохранившиеся памятные записи, хронология сменявших друг друга волн завоеваний в исторической памяти спуталась. Дагестанцы обычно помещают их в эпоху арабского завоевания. При этом случаются забавные анахронизмы, как, например, русское происхождение врага Абу Муслима аварского хана, который почему-то носил арабское имя Сураката³. В «Историю Дагестана» Мухаммад-Рафи‘ попало известие о взятии «войском тюрок» крепости Кекели над Кумухом, в которой пало мучениками (*шухада’*) семьдесят юношей, включая потомков шейха Абу-л-Муслима (Тарих Дагестан, 1993: 105). Л. И. Лавров, сравнив эту глоссу с исторической записью о разгроме Рича татарами, предположил, что в обеих из них речь идет о монгольском нашествии 1240 г.⁴ В роли защитника ислама от неверных горцев выступал и Тимур (1370–1405). Откликом на его походы с участием местных мусульманских правителей стала вставка в Историю Абу Муслима глоссы о насаждении ислама среди лакцев и аварцев сыном Абу Муслима ширваншахом Ибрахимом по прозвищу Бурхан ад-дин (араб. «Аргумент веры»). А. Е. Криштопа довольно убедительно идентифицировал его с ширваншахом Ибрахимом I ад-Дарбанди (1382–1417)⁵.

¹ Гаджи-Али. Сказание очевидца о Шамиле. С. 34; Руновский А. Кодекс Шамиля. Махачкала, 1992. С. 19.

² Комаров А. В. Адаты и судопроизводство по ним // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. I. Отд. I. Тифлис, 1867. С. 7.

³ Следует вместе с тем отметить, что средневековая нумизматика донесла до нас имя христианского правителя Аварии XII — начала XIII в. по имени Байар сын Сураки. См. об этом в работе: Акоюн А. В. Байар, нуцал Аварии, и его монеты // Христианский Восток. 2018. Т. VIII. С. 411–426. Если эта гипотеза верна и монеты не являются позднейшей подделкой, то в легенде об Абу Муслиме можно видеть характерное для культурной памяти смешение имен реальных исторических персонажей и их более позднего переосмысления в нарративе исламизации.

⁴ Лавров Л. И. Из эпиграфических находок дагестанской экспедиции (статья вторая) // Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. XVIII. Л.: Наука, 1958. С. 331–336.

⁵ Криштопа А. Е. К вопросу о письменных источниках по периоду феодализма в Дагестане // Вопросы истории и этнографии Дагестана. Вып. 7. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1976. С. 150–151. Ср. История Абу Муслима. С. 80–81.

Что же случилось в легенде с самим Абу Муслимом? Он превратился в **обобщенный образ героя-исламизатора**, в котором слились черты разных исламских миссионеров арабского, тюркского, иранского и местного происхождения, действовавших на Кавказе в VIII–XVI вв. При этом имена разных прототипов Абу Муслима слились. Из перса Абу Муслим превратился в араба с благородной курайшитской генеалогией, идущей от деда Пророка — Абд ал-Мутталиба. Его родиной вместо Исфахана (в Иране) стал Шам (Сирия). Шейх сохранил личное имя аббасидского героя — Абд ар-Рахман, приняв *кунью* Масламы — ибн Абд ал-Малик. Примеры таких трансформаций можно найти во многих других, не обязательно мусульманских, культурах.

Заключение

В статье рассмотрены отношения, связывающие историю и историческую память исламизации в Дагестане в Средневековье, Новое и Новейшее время. Эта тема была изучена сквозь призму религиозных нарративов и практик, связанных с почитанием Абу Муслима. Образ этого шейха столь сложен, что его вполне можно сравнить с искусной арабской вязью, в которой неразрывно переплелись прошлое и настоящее, действительность и мифология, взгляды мусульманской элиты и простонародья, популярные суфийские мотивы и практика культа святых. Благодаря такому сплаву фигура эта приобрела немалое значение для мусульман Восточного Кавказа. Абу Муслим остается их любимым шейхом, особенно в Дагестане, Чечне и Азербайджане. Ему приписывают благородное саййидское происхождение из арабов-курайшитов, распространение и упрочение ислама на всем Кавказе. По преданию, он построил здесь первые мечети и *мадрасы*. Его сподвижников и потомков считают родоначальниками большинства мусульманских династий, правивших на Северо-Восточном Кавказе вплоть до установления здесь русского владычества в конце XVIII — середине XIX в.

Нельзя относиться к этой фигуре слишком прямолинейно, отрицая ее историческое существование, как это делали Бакиханов, Алкадари, Али Каяев, Казем, Бартольд и Саидов, призывавшие к ревизии местной летописной традиции, и некоторые классики российской ориенталистики. Сравнительный анализ посвященных его деяниям хроник, памятных записей и устных преданий позволяет предположить, что он представляет собой обобщенный образ героя-исламизатора, возникший благодаря слиянию воедино черт нескольких исламских миссионеров арабского, тюркского, иранского и местного происхождения,

действовавших на Кавказе и особенно в Дагестане в VIII–XVI вв. Изучение образа Абу Муслима на средневековом и современном Кавказе позволяет ответить на целый ряд спорных вопросов, связанных с исламизацией этого региона: каковы были основные периоды, исторический контекст, направления и действующие лица этого процесса, как под его влиянием менялись религиозные практики и верования горцев-мусульман Восточного Кавказа.

Литература

Абдурахман из Газикумуха. Книга воспоминаний. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1997. 868 с.

Акопян А. В. Байар, нуцал Аварии, и его монеты // *Христианский Восток*. 2018. Т. VIII. С. 411–426.

‘Али Гумуки (Каяев). ‘Ала йад ман асламна // *Дагистан* (газета, араб. яз.), Темир-Хан-Шура. 1918. № 9. С. 4.

Аликберов А. К. Северный Кавказ // *Ислам на территории бывшей Российской империи: энциклопедический словарь* / под ред. С. М. Прозорова. М.: Восточная литература, 2006. С. 353–361.

Алкадари Г.-Э. Асар-и Дагестан / пер. А. Гасанова; под ред. В. Г. Гаджиева. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1994. 173 с.

Ассман Я. Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.

Ахты-наме: дагестанские исторические сочинения / введ., пер., коммент. А. Р. Шихсаидова; сост. и пер. А. Р. Шихсаидов, Т. М. Айтберов, Г. М.-Р. Оразаев. М.: Восточная литература, 1993. С. 65–73.

Бакиханов А. К.-А. Гюлистан-и Ирам / пер., ред., коммент., примеч. и указ. З. М. Буниятова. Баку: Эльм, 1991. 304 с.

Бартольд В. В. Абу Муслим // *Бартольд В. В. Сочинения*. Т. VII. М.: Наука, 1971. С. 479–481.

Бартольд В. В. К вопросу о происхождении «Дербент-наме» // *Бартольд В. В. Сочинения*. Т. VIII. М.: Наука, 1973. С. 459–480.

Бобровников В. О. Мусульмане Северного Кавказа: обычай, право, насилие. М.: Восточная литература, 2002. 368 с.

Бобровников В. О. Абу Муслим // *Ислам на территории бывшей Российской империи: энциклопедический словарь* / под ред. С. М. Прозорова. Т. 1. 2-е изд., доп. и испр. М.: Восточная литература, 2006. С. 15–19.

Гаджи-Али. Сказание очевидца о Шамиле / под ред. В. Г. Гаджиева. Махачкала: Институт истории, археологии, этнографии ДНЦ РАН, 1995. 194,[2] с. 196 с.

Гаджиев М. Г., Давудов О. М., Шихсаидов А. Р. История Дагестана с древнейших времен до конца XV в. Махачкала: Институт истории, археологии, этнографии ДНЦ РАН, 1996. 462 с.

Гайдарбеков М. Хронология истории Дагестана // Научный архив Института истории, археологии, этнографии ДНЦ РАН (Махачкала). Ф. 3. Оп. 1. Д. 236. Т. I–XIV.

Генко А. Н. Арабский язык и кавказоведение // Труды второй сессии Ассоциации арабистов. М.Ц–Л.: Изд-во АН СССР. 1941. С. 81–110.

[Дагъистан бусурманлъиялъул история] // Хрестоматия по истории права и государства Дагестана в III–XIX вв. // пер. с авар. Т. М. Айтберова; сост., пер. и коммент. Т. М. Айтберова. Ч. II. Махачкала: Издательско-полиграфический центр ДГУ, 1999. С. 23–33.

Дербент-наме // Дагестанские исторические сочинения / введ., пер., коммент. Г. М.-Р. Оразаева; сост. и пер. А. Р. Шихсаидова, Т. М. Айтберова, Г. М.-Р. Оразаева. М.: Восточная литература, 1993. С. 6–64.

Ад-Дургели, Назир. Усилада умов в биографиях дагестанских ученых (Нузхат ал-азхан фи тараджим 'улама' Дагистан). Дагестанские ученые X–XX вв. и их сочинения / пер. с араб., коммент., факсимиле, указат., библиогр. подг. А. Р. Шихсаидовым, М. Кемпером, А. К. Бустановым. М.: Издательский дом Марджани, 2012. 204, [3] с., 223 с. факс. 208+223 с.

История Абу Муслима // Дагестанские исторические сочинения / введ., пер., коммент. А. Р. Шихсаидова; сост. и пер. А. Р. Шихсаидова, Т. М. Айтберова, Г. М.-Р. Оразаева. М.: Восточная литература, 1993. С. 74–84.

[*Исхак Урминский. Али Салтинский*]. История шариатского восстания в Чечне и Дагестане и имамата 1877 г. // Восстания дагестанцев и чеченцев в послешамилевскую эпоху и имамат 1877 года: материалы / сост., пер. и коммент. Т. М. Айтберова, Ю. У. Дадаева, Х. А. Омарова. Махачкала: Фонд Шамяля, 2001. С. 13–15, 49–131.

Комаров А. В. Адагы и судопроизводство по ним: сборник сведений о кавказских горцах. Вып. I. Отд. I. Тифлис, 1867. С. 1–88.

Криштопа А. Е. К вопросу о письменных источниках по периоду феодализма в Дагестане // Вопросы истории и этнографии Дагестана. Вып. 7. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1976. С. 137–152.

Лавров Л. И. Из эпиграфических находок дагестанской экспедиции (ст. вторая) // Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. XVIII. Л.: Наука, 1958. С. 324–338.

Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербенда X–XI веков. М.: Наука, 1963. 265 с. 34 с. староараб. паг. 280 с.

Письменные памятники Дагестана XVIII–XIX вв. / сост. Х. А. Омаров; отв. ред. А. Р. Шихсаидов. Махачкала: Дагестанский филиал АН СССР, 1989. 181, [2] с.

Пропп В. Я. Основные этапы развития русского героического эпоса // *Пропп В. Я.* Сказка. Эпос. Песня. Собрание трудов. М.: Лабиринт, 2001. С. 145–176.

Руновский А. Кодекс Шамиля. Махачкала, 1992. 54 с.

Саидов М.-С. О распространении Абумуслимом ислама в Дагестане // Ученые записки Института истории, языка и литературы им. Г. Цадасы. Вып. II. Махачкала: Дагестанский филиал АН СССР, 1957. С. 42–51.

Саидов М.-С. О некоторых памятниках материальной культуры в лакских районах ДАССР // Ученые записки Института истории, языка и литературы им. Г. Цадасы. Вып. III. Махачкала: Дагестанский филиал АН СССР, 1957. С. 122–131.

«Тарих Дагестан» Мухаммадрафи // Дагестанские исторические сочинения / введ., коммент. А. Р. Шихсаидова; сост. и пер. А. Р. Шихсаидова, Т. М. Айтберова, Г. М.-Р. Оразаева. М.: Восточная литература, 1993. С. 85–108.

Тахнаева П. И. Аул Чох. Мир ушедших столетий. М.: Новости, 2010. 709, [1] с. 712 с.

Тахнаева П. И. Знамя и сабля шейха Абу Муслима: чохские исламские реликвии // Народы Кавказа: музейные коллекции, исследования объектов и явлений традиционной и современной культуры / отв. ред. Ю. Ю. Карпов. СПб.: МАЭ РАН, 2015. С. 103–113.

Тахнаева П. И. Имамат Шамиля в современной историографии. Рец.: Дадаев Ю. У. Государственное образование (имамат) Шамиля: органы власти и управления. Махачкала, 2015. 504 с. // Историческая экспертиза. 2016. № 1. С. 200–219.

Хроника Мухаммеда Тахира ал-Карахи о дагестанских войнах в период Шамиля / араб. текст подг. А. М. Барабановым; под ред. акад. И. Ю. Крачковского. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1946. 21 с., 311 с.

Аль-Чиркави, Саид-афанди. Сборник выступлений. Махачкала: Нуруль иршад, 2008. 255 с.

Шиллинг Е. М. Из истории одного дагестанского земледельческого культа // Краткие сообщения Института этнографии АН СССР. Вып. 1. 1946. С. 32–34.

Шиллинг Е. М. Народы Кавказа: Малые народы Дагестана. М.: ИЭА РАН, 1993. 277 с.

Шихсаидов А. Р. Ислам в средневековом Дагестане (VII–XV вв.). Махачкала: Дагестанский филиал АН СССР, 1969. 251 с.

Шихсаидов А. Р. Эпиграфические памятники Дагестана X–XVII вв. как исторический источник. М.: Наука, 1984. 463 с.

Шихсаидов А. Р. Распространение ислама в Дагестане // Ислам и исламская культура в Дагестане / отв. ред. А. Р. Шихсаидов. М.: Восточная литература, 2001. С. 4–32.

Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках / сост., пер., коммент. и прилож. Л. И. Лаврова. Ч. 2. Надписи XVIII–XX вв. М.: Наука, 1968. 248 с.

Derbend-Nameh or the History of Derbend translated from a select Turkish version and published with the texts and notes illustrative of the history, geography, antiquities etc. by Mirza A. Kazem-Beg. SPb.: Imperial Academy of Sciences, 1851. XXIII, 245 c.

Bobrovnikov V. Les lieux saints des clans routouls: pratiques religieuses hybrides chez les musulmans daghestanais // Revue d'études comparatives Est-Ouest. 2005. Vol. 36. No. 4. P. 157–183.

Bobrovnikov V. Abu Muslim in Islamic History and Mythology of the Northern Caucasus // Daghestan and the World of Islam / ed. by M. Ganner and D. J. Wasserstein. Helsinki: Finnish Academy of Science and Letters, 2006. P. 23–44.

Halbwachs M. Les cadres sociaux de la mémoire. Paris: Félix Alcan, 1925. XII, 404 p.

Halbwachs M. La mémoire collective. Paris: Albin Michel, 1950. I, 171 p.

Khanikoff N. Mémoire sur les inscriptions musulmanes du Caucase. Journal asiatique. 1862. Sér. 5. T. 20. Pp. 57–155.

Lewicki T. Abu Muslim // The Encyclopaedia of Islam. Ed. by H. A. R. Gibb, J. H. Kramers, E. Lévi-Provençal et al. Leiden: E. J. Brill, 1986. P. 141.

Vansina J. Oral Tradition. A Study in Historical Methodology. London: Routledge & Kegan Paul, 1965. XIV. 226 p.

References

Abdurakhman iz Gazikumukha (1997). *Kniga vospominaniy* [Book of memories]. Makhachkala: Dagestanskoe knizhnoe izdatel'stvo. 868 p.

Akhty-name [Akhty-nameh] (1993). Shikhsaidov A. R., Aytberov T. M., Orazhev G. M.-R. (Ed.) *Dagestanskije istoricheskie sochineniya*. Moscow: Vostochnaya literatura. P. 65–73.

Akopyan A. V. (2018). Bayar, nutsal Avarii, i ego monety [Bayar the Ruler of Avaria and His Coins]. *Khristianskiy Vostok*. Vol. VIII. P. 411–426.

‘Ali Ghumuqi (Kayaev) (1918). ‘Ala yad man aslamna [Who has converted us into Islam?]. *Daghistan*. Temir-Khan-Shura. No. 9. P. 4.

Alikberov A. K. (2006). Severnyy Kavkaz [North Caucasus]. In: S. M. Prozorov (Ed.) *Islam na territorii byvshey Rossiyskoy imperii: entsiklopedicheskij slovar'*. P. 353–361. Moscow: Vostochnaya literatura.

Alqadari G.-e. (1995). *Athar-i Daghistan* [Monuments of Dagestan]. Ed. by V. G. Gadzhiev. Makhachkala: Dagestanskoe knizhnoe izdatel'stvo. 173 p.

Assman J. (2004). *Kul'turnaya pamyat': pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti* [Cultural Memory: Literacy, Memory of the Past and Political Identity in the Ancient High Cultures]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury. 368 p.

Bakikhanov A. K.-A. (1991). *Gulistan-i Iram* [Paradise Flower Garden]. Ed. by Z. M. Bunyatov. Baku: Elm. 304 p.

Bartol'd V.V. (1971). Abu Muslim [Abu Muslim]. In: Bartol'd V. V. *Sochineniya*. Vol. VII. P. 479–481. Moscow: Nauka.

Bartol'd V.V. (1973). K voprosu o proiskhozhdenii “Derbent-name” [To the Question of Origins of Derbent-Nameh]. In: Bartol'd V. V. *Sochineniya*, vol. VIII. P. 459–480. Moscow: Nauka.

Bobrovnikov V. (2002). *Musul'mane Severnogo Kavkaza: obyчай, pravo, nasilie* [Custom, Law and Violence between the North Caucasus Muslims]. Moscow: Vostochnaya literatura. 368 p.

Bobrovnikov V. (2005). Les lieux saints des clans routouls: pratiques religieuses hybrides chez les musulmans daghestanais [Sacred Sites of the Rutul Clans: Hybrid Religious Practices Between the Dagestani Muslims]. *Revue d'études comparatives Est-Ouest* 36(4): 157–183.

Bobrovnikov V. (2006). Abu Muslim [Abu Muslim]. Prozorov S. M. (Ed.) *Islam na territorii byvshey Rossiyskoy imperii: entsiklopedicheskiy slovar'* [Islam on the Territory of the Former Russian Empire: Encyclopaedic Lexicon]. P. 15–19. Moscow: Vostochnaya literatura.

Bobrovnikov V. (2006). Abu Muslim in Islamic History and Mythology of the Northern Caucasus. Gammer M., and Wasserstein D. J. (Ed.) *Daghestan and the World of Islam*. P. 23–44. Helsinki: Finnish Academy of Science and Letters.

Al-Chirkawi, Said-afandi. (2008). *Sbornik vystupleniy* [Collected Speeches]. Makhachkala: Nurul irshad. 255 p.

[Daghistan busurmantliatlul istoriya/History of Muslim Dagestan]. Aytberov T. M. (Ed.) *Khrestomatiya po istorii prava i gosudarstva Dagestana v XVIII–XIX vv.* Pt. II. Makhachkala: DGU. P. 23–33.

Derbent-name [Derbent-nameh] (1993). Shikhsaidov A. R., Aytberov T. M., Orazaev G. M.-R. *Dagestanskije istoricheskie sochineniya*. Moscow: Vostochnaya literatura. P. 6–64.

Derbend-Nameh or the History of Derbend translated from a select Turkish version and published with the texts and notes illustrative of the history, geography, antiquities etc. by Mirza A. Kazem-Beg. SPb.: Imperial Academy of Sciences, 1851. — XXIII, 245 p.

Al-Durghili N. (2012). *Uslada umov v biografyakh dagestanskikh uchenykh* [Delight of Minds in the Biographies of Dagestani Scholars]. Ed. by A. R. Shikhsaidov, M. Kemper. A. K. Bustanov. Moscow: Marjani publishers. 204, [3] p., 223 c. fax. 208+223 p.

Epigraficheskie pamyatniki Severnogo Kavkaza na arabskom, persidskom i tyretskom yazykakh [Epigraphic monuments of the North Caucasus in

Arabic, Persian and Turkish] (1968). Comp. and ed. by L. I. Lavrov. Vol. II. *Nadpisi XVIII–XX vv.* [Inscriptions of the 18th–20th centuries]. Moscow: Nauka. 248 p.

Gadzhi-Ali. (1995). *Skazanie ochevidtса o Shamile* [Eyewitness's Account of Shamil] / Ed. by V. G. Gadzhiev. Makhachkala: Institut istorii, arkheologii, etnografii DNTs RAN. 194 с.

Gadzhiev M. G., Davudov O. M., Shikhsaidov A. R. (1996). *Istoriya Dagestana s drevneyshikh vremen do kontsa XV v.* [History of Dagestan from the Ancient Times to the End of the XVth Century]. Makhachkala: Institut istorii, arkheologii etnografii DNTs RAN. 462 p.

Genko A. N. (1941). *Arabskiy yazyk i kavkazovedenie* [Arabic Language and Caucasus Studies]. *Trudy Vtoroy sessii Assotsiatsii arabistov 19–23 okt'yabrya 1937 g.* P. 81–110. Moscow, Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR.

Halbwachs M. (1925). *Les cadres sociaux de la mémoire.* Paris: Félix Alcan. XII, 404 p.

Halbwachs M. (1950). *La mémoire collective.* Paris: Albin Michel. I, 171 p.

Istoriya Abu Muslima [History of Abu Muslim]. (1993.). Shikhsaidov A. R., Aytberov T. M., Orazhev G. M.-R. (Ed.) *Dagestanskіe istoricheskie sochineniya.* Moscow: Vostochnaya literatura. P. 74–84.

[Ishaq Urminskiy, Ali Saltinskiy]. (2001). *Istoriya shariatskogo voss-taniya v Chechne i Dagestane i imamate 1877 g.* [History of Sharia Uprising in Chechnya and Dagestan and of 1877 Imamate]. Aytberov T. M., Dadaev Yu. U., Omarov Kh. A. (Ed.) *Vosstaniya dagestantsev i chechentsev v postshamilevskuyu epohu.* Makhachkala: Fond Shamilya. P. 13–15, 49–131.

Khanikoff N. Mémoire sur les inscriptions musulmanes du Caucase. *Journal asiatique*, 1862. Sér. 5. T. 20. P. 82–90. P. 57–155

Khronika Mukhammeda Tahira al-Karakhi o dagestanskikh voynakh v period Shamilya [The Chronicle by Muhammad Tahiral-Qarakhi about Dagestani Wars under the Rule of Shamil] (1946). Ed. by Krachkovskiy I. Yu. Moscow, Leningrad: Izd-vo AN SSSR. 21, 311 p.

Komarov A. V. (1867). *Adaty i sudoproizvodstvo po nim* [Customs and Customary Justice]. *Sbornik svedeniy o kavkazskikh gortsakh.* Vyp. I. Otd. I. Tiflis. P. 1–88.

Krishtopa A. E. (1976). *K voprosu o pis'mennykh istochnikakh po periodu feodalizma v Dagestane* [To the Question of Written Sources Dated Back to the Feudal Period in Dagestan]. *Voprosy istorii i etnografii Dagestana.* Vyp. 7. Makhachkala: Dagestanskoe knizhnoe izdatel'stvo. P. 137–152.

Lavrov L. I. (1958). *Iz epigraficheskikh nakhodok Dagestanskoy ekspeditsii* [From Epigraphic Findings of the Dagestani Expedition]. *Sbornik Muzeya antropologii i etnografii.* T. XVIII. Leningrad: Nauka. P. 324–338.

Lewicki T. (1986). *Abu Muslim. The Encyclopaedia of Islam.* Ed. by Gibb H. A. R., Kramers J. H., Lévi-Provençal E. et al. Leiden: E. J. Brill. P. 141.

Minorsky V. F. (1963). *Istoriya Shirvana i Derbenda* [History of Shirwan and Derbend]. Moscow: Nauka. 280 p.

Pis'mennye pamyatniki Dagestana XVIII–XIX vv. [Written Monuments of Dagestan in the 18th-19th centuries]. (1989). Comp. by Omarov Kh. A.; ed. by Shikhsaidov A. R. 181 p.

Propp V. Ya. (2001). *Osnovnye etapy razvitiya russkogo geroicheskogo eposa* [Main Stages in the Development of the Russian Heroic Epic]. Propp V. Ya. *Sobranie trudov. Skazka. Epos. Pesnya.* [Collected Works: Fairy Tales. Epics. Songs]. Moscow: Labirint. P. 145–176.

Runovskiy A. (1992). *Kodeks Shamilya* [Shamil's Code]. Makhachkala. 54 p.

Saidov M.-S. (1957). O rasprostraneni Abumuslimom islama v Dagestane [On the Islamization of Dagestan by Abumuslim]. *Uchenye zapiski Instituta istorii, yazyka i literatury imeni G. Tsadasy.* Vol. II. P. 42–51.

Saidov M.-S. (1957). O nekotorykh pamyatnikakh material'noy kul'tury v lakskikh rayonakh DASSR [On Some Monuments of the Material Culture in the Lak districts of the Dagestani ASSR]. *Uchenye zapiski Instituta istorii, yazyka i literatury imeni G. Tsadasy.* Vol. III. P. 122–131.

Shikhsaidov A. R. (1969). *Islam v srednevekovom Dagestane (VII–XV vv.)* [Islam in Medieval Dagestan in the VIIth–XVth centuries]. Makhachkala: Dagestanskiy filial AN SSSR. 251 p.

Shikhsaidov A. R. (1984). *Epigraficheskie pamyatniki Dagestana X–XVII vv. kak istoricheskiy istochnik* [Dagestani Inscriptions Dating From the 10th Through the 17th Centuries as a Historical Source]. Moscow: Nauka. 463 p.

Shikhsaidov A. R. (2001). Rasprostranenie islama v Dagestane [Islamization of Dagestan]. Shikhsaidov A. R. (Ed.) *Islam i islamskaya kul'tura v Dagestane.* Moscow: Vostochnaya literatura. P. 4–32.

Shilling E. M. (1946). Iz istorii odnogo dagestanskogo zemledel'cheskogo kul'ta [From the History of a Dagestani Agricultural Cult]. *Kratkie soobscheniya Instituta etnografii AN SSSR.* Vyp. 1. P. 32–34.

Shilling E. M. (1993). *Narody Kavkaza: Malye narody Dagestana* [Dagestan's Ethnic Minorities]. Moscow: IEA RAN. 277 p.

Takhnaeva P. I. (2010). *Aul Chokh. Mir ushedshikh stoletiy* [The Village of Chokh. The Universe of Past Centuries]. Moscow: Novosti. 709 p. 712 p.

Takhnaeva P. I. (2015). Znamya i sablya sheykha Abu Muslima: chokhskie islamskie relikvii [Banner and sabre of the sheikh Abu Muslim: Islamic relics from Chokh]. Karpov Yu. Yu. (Ed.) *Narody Kavkaza: muzeynnye kollektsii, issledovaniya ob'ektov i yavleniy traditsionnoy i sovremennoy kul'tury.* St. Petersburg: MAE RAN. P. 103–113.

“Tarikh Dagestan” Muhammadrafi [“History of Dagestan” by Muhammad-Rafi]. Shikhsaidov A. R., Aytberov T. M., Orazaev G. M.-R. (Ed.) *Dagestanskije istoricheskie sochineniya*. Moscow: Vostochnaya literatura. P. 85–108.

Takhnaeva P. I. (2016). Imamat Shamilya v sovremennoy istoriografii. Retsenziya na: Dadaev Yu. U. Gosudarstvennoe obrazovanie (imamat) Shamilya: organy vlasti i upravleniya. Makhachkala, 2015, 504 s. [Shamil’s Imamate in the Contemporary Literature. Review article of Yu. U. Dadaev. State Formation (Imamate) of Shamil: Power and Governance Bodies. Makhachkala, 2015, 504 pp.] *Istoricheskaya ekspertiza*. Vol. 1. P. 200–219.

Vansina J. (1965). *Oral Tradition. A Study in Historical Methodology*. London: Routledge & Kegan Paul. XIV, 226 p.

From the History of Muslims of Russia

ABU MUSLIM IN CULTURAL MEMORY OF THE DAGESTAN'S MUSLIMS

Abstract: The article investigates cultural memory of a very long islamization happened in the Caucasus from the 7th through the beginning of the 19th centuries as it was reflected in the cult of Muslim saints, namely in the case of sheikh Abu Muslim who is believed to have converted Caucasus highlanders into Islam in the early Islamic period. His name appears in countless chronicles and memorials. The sheikh, his relatives and companions are credited with dozens of shrines. The study is based on the texts of Arabic-language chronicles and commemorative notes (*tawarikh*), compared with the data of epigraphy and field materials of the author he collected mainly in Dagestan. After the works of Russian classics in Islamic studies from Kazembek to Bartold and M.-S. Saidov nobody confuses this hero of Caucasus Islamization with the famous religious leader from Khurasan who helped the 'Abbasids to seize power in the Caliphate in the middle of the eighth century and was never to the Caucasus. However, as the author argues, one should not deny his existence and therefore reject his cult as an odd historical mistake. A comparative analysis of the chronicles, memorials, and oral traditions devoted to his deeds suggests that different Islamic missionaries of foreign and local origin fused in the figure of Abu Muslim. A study of his cult in terms of cultural memory allows answering a number of important research questions concerning main stages and actors of Islamization in the Caucasus who operated in the region under study from the Middle Ages through the modern times, its social and cultural background as well as changing directions and networks.

Keywords: cultural memory, Islamization, narratives, Abu Muslim, Dagestan

Vladimir O. BOBROVNIKOV

Cand. Sci. (Hist.), professor, Center for Central Eurasian Studies,
Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
(12, Rozhdestvenka Str., Moscow, 107031, Russian Federation)
National Research University Higher School of Economics in St. Petersburg
(17, Promyshlennaya Str., St. Petersburg, 198099, Russian Federation)
E-mail: vladimir_bobrovn@mail.ru

